

Дарья Донцова

Завбух и Полцарства в придачу

Вышла Тараканова.
В мире доступных страстей

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Аркадьевна Донцова
Главбух и полцарства в придачу
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 9

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118881
ISBN 1

Аннотация

Черт меня дернул согласиться отвезти сына моей многолетней подруги в Вязьму! Нет бы сесть за новую книгу! Ведь я, Виола Тараканова, ни строчки еще не написала. Дело в том, что все мои детективы основаны на реальных событиях. Но увы, ничего захватывающего до недавнего времени вокруг не происходило, разве что мой муж майор Куприн, кажется, завел любовницу. Ну да это никому, кроме меня, не интересно!.. На обратном пути из Вязьмы в купе убили попутчицу Лизу Марченко, а в моей сумке оказались ее безумно дорогие часы.

Я просто обязана их вернуть, тем более что у Лизы осталась маленькая дочь Машенька. Но, приехав в семью Марченко, я узнала, что Лиза выбросилась с балкона несколько лет назад, когда исчезла ее грудная дочь Маша, которую похитил сбежавший муж и его любовница. Так кто же ехал со мной в купе и кого убили, а?..

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	28
ГЛАВА 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дарья Донцова

Главбух и полцарства в придачу

ГЛАВА 1

– Я очень люблю всех своих детей, но кое-кто из них ведет себя безобразно, – заявила Верка, откусывая громадный кусок от торта «Полет», который Олег по непонятной причине приволок вчера вечером.

Впрочем, слово «вечером» тут употреблено не совсем удачно, Олег, как всегда, появился домой около часа ночи. Обычно мой муж на цыпочках прокрадывается к кровати и молча заползает под одеяло. В первый год после свадьбы я искренне полагала, что жизнь замужней женщины – это не только стирка, уборка, готовка, но и совместные походы с супругом в театр, кино, ресторан, зоопарк, в конце концов. Потом, сообразив, что Олег терпеть не может музыку, отчаянно скучает на любом спектакле, а в кино, пользуясь темнотой, просто засыпает, я не стала огорчаться. Что ж, моя богом данная вторая половина оказалась из домоседов, и пятьдесят женщин из ста поменяли бы с радостью своего «кота» и гуляку на моего тихого майора. Впрочем, к домоседам Куприн

не имеет ровным счетом никакого отношения. Он трудолюбив, целый день и часть ночи проводящий на службе.

Сначала я, наивная незабудка, пыталась бороться с привычкой мужа пропадать на работе по двадцать часов в сутки. Ну согласитесь, супруг, который лишь спит с вами на одной кровати, никак не может считаться образцом семьянина. Мне элементарно хотелось романтики, совместных ужинов, кофе в постель, милых подарочков, походов, ладно, не в театр, так хоть в супермаркет за продуктами или в магазин за тряпками.

Куприн с самым несчастным лицом, выслушав мои требования, бормотал:

– Да, конечно, ты совершенно права, сейчас же отправимся в кино.

Но стоило мне, подпрыгнув от радости, схватиться за уличную обувь, как раздавалась противная трель мобильного, муж вытаскивал трубку и отрывисто говорил:

– Да. Где? Когда? Выезжаю.

Услыхав в первый раз слово «выезжаю», я чуть не зарыдала от злости, во второй – разбила чайный сервиз, в третий – пошла на сеанс одна, в четвертый поняла: надеяться на что-то иное глупо. Потом было достаточно тяжелое в моральном плане время, когда я задавала себе вопрос: а зачем козе баян? Что же я получила в результате замужества? Зарабатываю я больше Куприна, всякие гвозди в квартире забиваю самостоятельно, умею водить машину, правда, плохо, не бо-

юсь ходить вечером по улицам одна и вообще всю жизнь, начиная с трехлетнего возраста, решаю свои проблемы самостоятельно.

Иногда в моей душе поднимает голову зависть к тем женщинам, которым сначала помогали родители, а потом эстафетную палочку из их рук подхватил супруг. Вот, например, Нюся Богачева лет до двадцати пяти сидела за спиной у мамы, а затем в ее жизни появился Вовка. Боюсь, вы мне не поверите, но Нюся не умеет включать стиральную машину, впадает в ступор при виде пылесоса и в любой мало-мальски нервной ситуации хватается мобильный и кричит:

– Вовчик, меня тут до инфаркта довели, немедленно разберись!

Впрочем, завидовать Нюсе дело абсолютно зряшное, потому что так, как ей, больше никому не повезло.

Промучившись около шести месяцев, я внезапно поняла, что сама виновата в том, что моя семейная жизнь катится не по тем рельсам. А не надо было выходить замуж за сотрудника МВД. Кто мешал найти себе тихого писателя или научного работника? Вот такой муж по большей части сидел бы дома, водя ручкой по бумаге. Впрочем, другая моя подруга, Люся Кочеткова, имеет супруга-академика, который способен умереть от голода перед забитым под завязку холодильником.

В конце концов я решила принимать своего Куприна таким, каков он есть. И теперь моя жизнь протекает просто за-

мечательно. Я пишу свои криминальные романы, а Олег занимается преступниками. Изредка мы пересекаемся, очень довольные друг другом. Правда, в издательстве уверены, что супруг подбрасывает мне темы для книг, но это не так. Олег изредка рассказывает о работе, но из этих историй нельзя сочинить даже самой завалященькой повести.

Теперь понимаете, почему меня до остоленения удивил вчера Куприн? Во-первых, он пришел домой около шести, чего не случается даже под Новый год, во-вторых, Олег имел виноватый вид, а в-третьих, держал в руках картонную коробку, в которой оказался торт «Полет». Я, правда, терпеть не могу безе с жирным кремом, мне больше по вкусу простая вафельная «Причуда», но некоторые мужья не знают о пристрастиях своих жен. Олег очень редко приносит мне что-то вкусное.

Я взяла коробку и тут же подумала: «м нтересно, что он натворил, если купил десерт?»

Но поговорить по душам нам не дали. Томочка и Кристина засуетились вокруг стола, Семен, тоже непонятно почему оказавшийся в неурочный час дома, поволок Куприна к компьютеру показывать новую игрушку...

Двухкилограммовое безумие из запеченных белков мы сразу осилить не смогли, я спрятала остатки торта в холодильник, и они очень пригодились сегодня, когда в полдень неожиданно-негаданно заявила Вера Клокова.

Когда-то мы учились в одном классе и в то время находи-

лись на диаметрально противоположных концах социальной лестницы. Я, безотцовщина, воспитываемая крепко пьющей мачехой-дворничихой, стояла в самом низу. Верка, дочь папы-профессора и мамы-актрисы, была наверху. Ее родители часто ездили за границу, и Вера притаскивала в класс всякие диковины типа ластиков с картинками, жвачек и шариковых ручек. А еще у нее было то, чего не имела ни одна девочка в нашей школе: кукла Барби со всякими прибабасами, одеждой, домом, мебелью.

После школы наши пути разошлись, и довольно долгое время мы не встречались, хоть и жили неподалеку друг от друга. Столкнулись совершенно случайно, возле метро. Я, мужняя жена, автор одной, пока еще не опубликованной книги, была одета в симпатичную новую шубку из козлика, на Верке красовался довольно грязный пуховик.

Увидав меня, Клокова радостно завопила:

– Вилка! Пошли в гости!

Вот так я снова оказалась в знакомой квартире и была немало удивлена «пейзажем». Мебель оказалась сильно поцарапанной, ковры вытертыми, занавески обтрепанными. Но больше всего меня удивило, что у Верки пятеро детей, самому маленькому едва исполнился год, старший ходил в школу. Еще по комнатам бродило несколько собак, кошек и шмыгали какие-то теткли, одетые в серое, похожие на громадных мышей.

Не сумев скрыть удивления, я бестактно воскликнула:

– Веруська, зачем тебе столько наследников?

– Бог дал, – вздохнула она.

Следовало заткнуться, но я продолжила расспросы:

– Ты, похоже, тяжело живешь?

– Так пятерых на ноги ставить надо, – без особой радости

в голосе ответила Клокова.

– Ну за каким чертом ты столько нарожала! – совсем уж бесцеремонно заявила я. – Произвести ребенка на свет нетрудно, но ведь его еще нужно в люди вывести, одеть, обууть, накормить, выучить. Вполне бы хватило двоих, ну троих.

Верка сморщилась.

– Чего уж теперь, на все воля божья.

Тут только до меня дошел смысл сказанной ею фразы, и я поинтересовалась:

– Ты теперь в бога веришь?

Вера помолчала и как-то неуверенно ответила:

– Ну да.

Я удивилась еще больше:

– Слушай, что с тобой случилось?

Внезапно глаза Клоковой наполнились слезами.

– Ничего.

– Может, я могу тебе чем помочь?

Верка зашмыгала носом, а потом рассказала про свою жизнь. Ее родители умерли, а она, испугавшись остаться одна, выскочила замуж за первого, кто предложил ей руку и

сердце, приятного, застенчивого Ивана. Лишь через четыре года после свадьбы, когда Верка, поняв, что беременна третьим ребенком, решила сделать аборт, она узнала, что муж является членом некой церковной организации под названием «Заветы Христа». Ничего плохого в этом объединении не было, его участники конфликтовали с русской православной церковью по теологическим вопросам, но и только. В обычной жизни они жили по тем же заповедям: не убий, не укради, не прелюбодействуй, чтить своих родителей...

В «Заветах Христа» никто никого не обманывал, денег не вымогал, не заставлял переписывать на главаря секты имущество, голодом не морил, и Верочке сначала показалось, что ее муж просто член какого-то клуба по интересам. Ну собираются же на тусовки охотники, рыболовы, филателисты... Вот и Ваня тоже ходит на собрания, где, кстати говоря, ничему плохому не учат, в «Заветах Христа» все мужчины были поголовно трезвенниками, не курили и об измене жене не помышляли. Единственное неудобство было в том, что Иван категорически запрещал Вере делать аборт.

– Сколько детей господь даст, столько и воспитывать станем, – решительно говорил он.

Вера сначала приводила простые аргументы, типа: «Нам не прокормить ораву» и «Ну зачем же столько ребятишек?» Но Иван был непреклонен. Может, следовало с ним сразу развестись, но Вера, во-первых, не хотела оставаться одна с двумя уже имеющимися детьми, а во-вторых, она все же не

теряла надежды переубедить супруга.

Но ничего не вышло, она произвела на свет третьего, четвертого, пятого... А потом у Ивана умер отец, и свекровь переехала на квартиру к невестке. С собой она привезла двух незамужних дочерей и свою сестру-вдову. Вере, обремененной кучей детей, было просто некуда деваться, да и что она могла сказать супругу? Верушка не работала, сидела дома, зависела целиком и полностью от Ивана. Муж, правда, не вредничал, старался как мог, не препятствовал приходу в дом ее подружек, даже изредка дарил жене подарки, только жила многодетная семья очень и очень бедно. Фактически добытчиком был один Иван. Вера не могла выйти на службу, она постоянно находилась то в процессе вынашивания, то выкармливания очередного младенца. Свекровь получала копеечную пенсию, остальные родственницы тоже имели жалкие доходы.

С тех самых пор наши взаимоотношения возобновились. Я стала отдавать Верушке вещи, из которых выросла Кристина, дочка Томочки, их донашивала девочка Клоковой. И вообще, я по сравнению с Веркой оказалась просто богачкой, потому что имела стабильный доход, машину и могла себе позволить не ходить за продуктами на оптушку, чтобы выгадать пятьдесят копеек при покупке пакета молока.

Верка теперь часто бывала у нас, иногда вместе с ней приходил кто-нибудь из детей, и я постоянно путала их, гадая, кто же сегодня заявился вместе с мамой: Леша, Сережа или

Андрюша? Мальчишки уродились похожими, словно волосы на голове.

Но сейчас Вера прибежала одна, жадно накинулась на торт, и я поняла: она опять беременна.

– Ага, – кивнула Вера, увидав в моих глазах невысказанный вопрос, – давай не будем комментировать ситуацию.

Я кивнула. Действительно, какой смысл? Окажись я сама в таком положении, ни за что бы не стала превращаться в родильную машину, просто купила бы противозачаточные пилюли и тайком пила бы их. А начини муж удивляться, отчего не появляются наследники, спокойно бы ответила ему: «Господь не дает».

Я считаю, что врага нужно бить его же оружием. Но Вере, очевидно, ее семейная жизнь пришлась по душе, раз столь простой выход из ситуации не пришел ей в голову.

– Слышь, Вилка, – озвучила наконец цель своего визита Вера, – помоги мне.

Я кивнула:

– Хорошо. А что надо делать?

Честно говоря, я ожидала услышать просьбу о деньгах, но Вера сказала совсем другое:

– Надо Андрюшку в Ломтевку отвезти на лето. Знаешь, я люблю всех своих детей, но кое-кто из них ведет себя безобразно. Андрей постоянно хулиганит, ему в голову приходят жуткие вещи! Я от него просто устала.

– Отправь его в лагерь.

– Дорого, где денег взять? Слава богу, у свекрови брат живет в Ломтевке, он из Андрея обещал за три месяца человека сделать.

– Ну а я тут при чем?

Верка молитвенно сложила руки:

– Отвези его в Ломтевку.

– Это где? – напряглась я.

– Да тут, не очень далеко. На поезде доедете до Вязьмы.

Мне стало нехорошо. Вязьма? Это где же такая?

– Близко совсем, – принялась ободрять меня Вера, – всего-то четыре часа езды!

– А потом оттуда далеко? – осторожно поинтересовалась я.

– Так никуда дальше не надо! – воскликнула Вера. – Его дядя Костя прямо на платформе встретит. А ты сядешь в обратный поезд, он там через полчаса идет, и поедешь в Москву.

Я попыталась мысленно найти аргументы для отказа, но, как назло, ничего достойного на ум не пришло. Верка увидела мои колебания и удвоила усилия:

– Ну, Вилка, что тебе стоит? Завтра суббота, день свободный.

– Я работаю дома, – стала отбиваться я, – пишу книги, мне без разницы: воскресенье, понедельник...

Веркины глаза налились слезами.

– Вилка! Ну помоги! Ей-богу, больше попросить некого.

Одного Андрюху не отправить, он поезд на части разберет, Иван в командировку ускакал, маменька его и сестрички ни за что задницы от стульев не оторвут. А если я сама в Вязьму тронусь, то кто же за другими детьми приглядит... И потом, тошнит меня, в поезде просто с ума сойду!

Делать нечего, пришлось соглашаться. Обрадованная Верка наградила меня поцелуем и принялась доедать торт. Я же, стараясь скрыть раздражение, сновала между мойкой, плитой и холодильником. В душе отчего-то нарастала тревога. Конечно, я отвезу Андрюшу в Вязьму, но чует мое сердце, добром эта поездка не закончится.

ГЛАВА 2

Если что-то не заладится с самого начала, нечего и думать о том, что дальнейшие события станут развиваться нормально. В отношении меня это правило срабатывает на все сто. Если утром, выходя из дома, я падаю, то до полуночи буду влипать во всякие неприятные ситуации.

Путешествие в Вязму началось с отнюдь не радостного известия: поезд уходил поздно вечером, около двадцати двух часов, в пункт назначения он прибывал в районе двух утра, то есть ночи. Но это еще полбеды.

Подлинным несчастьем оказался Андрюша. Очень худенький, если не сказать тощий, слишком мелкий для своего возраста, он фонтанировал энергией и фантастическим образом умудрялся оказываться одновременно в трех местах. При этом парнишка ни на секунду не замолкал.

Сначала он носился по коридору, бесцеремонно заглядывая во все купе, потом повис на проводнице, требуя немедленно объяснить ему принцип действия титана, затем начал карабкаться по лесенке на верхнюю полку и тут же сигать вниз. Разговаривал он громким, въедливым голосом и совершенно не обращал внимания на то, что наши соседи пытаются заснуть. Мне было очень неудобно перед ними, и я пыталась хоть чуть-чуть пригасить активность Андрюши. Куда там! На мои тихие просьбы спокойно посидеть на месте про-

тивный мальчишка корчил рожи и орал:

– Не хочу!

Когда наконец мы добрались до места, я была доведена почти до отчаяния и впервые в жизни порадовалась тому, что не имею собственных отпрысков. Если я всего за пару часов общения с мальчишкой практически потеряла разум, то что же со мной случится, коли получу подобное сокровище навсегда?

Когда поезд подошел к перрону, я перепугалась до одури: а вдруг этот дядя не приедет за парнишкой и мне придется тащить его назад?

Но родственник Верки не подвел. Не успела проводница с грохотом опустить чугунную лестницу, как в неровном свете фонаря возникла коренастая фигура в спортивном костюме.

– Давай басурмана, – пробасил мужик.

Мысленно перекрестившись, я выдала ему мальчика и потрепанный рюкзачок с вещами.

– Пить хочу, – завел Андрюша.

– Потерпи, – коротко велел дядя.

– А-а-а... пить!

Мужик со всего размаха залепил пареньку затрещину. Андрей от изумления замолчал, потом взвизгнул и попытался лягнуть обидчика. В ту же секунду он получил вторую оплеуху, а потом дядька, ухватив капризника за шкурку, встряхнул его и заявил:

– Я два раза не повторяю, понял?

К моему огромному удивлению, Андрей молча кивнул.

– Вот и хорошо, – одобрил мужик, – вот и славно, пошли. А вы бегите к кассе, через десять минут состав на Москву придет.

В состоянии, близком к эйфорическому, я понеслась за билетом и через пару мгновений узнала совершенно ужасную новость: мест в скором поезде нет. Решив не отчаиваться, я дождалась состава и стала бегать вдоль вагонов, упрашивая проводников взять меня без проездного документа, естественно, за деньги.

Но хмурые тетки в форменной одежде только мотали головами, наконец одна, понизив голос, сказала:

– И не пытайся, никто не посадит.

– Да почему? Ведь не Христа ради прошусь! У меня есть деньги.

– Ревизоры у нас, – вздохнула проводница, – шерстят почему зря. В другой поезд толкнись, утром.

Я снова пошла к кассе. Сонная девушка потыкала пальцем в кнопки и сообщила:

– Есть только одно место, поезд Прага – Москва, спальный вагон, купе люкс, двухместное, дорого. Берете?

А что оставалось делать? Не сидеть же на вокзале до морковкина заговенья? Тихо радуясь, что Томочка заставила меня на всякий случай взять с собой большую сумму денег, я выгребла купюры из кошелька и стала счастливой обладательницей билета.

Не успела я войти в купе, как лежащая на нижней полке девушка удивленно спросила:

– Что вам надо?

Слегка удивившись ее хамству, я спокойно ответила:

– Извините за беспокойство, мое место двенадцатое.

– Не может быть!

– Почему? Вот билет. Я ваша соседка до Москвы.

– Это невозможно, убирайтесь.

– С какой стати? Я купила билет и имею ровно столько прав на это купе, как и вы!

Высказавшись, я решила сесть на свою полку и тут только увидела на ней, в самом углу, маленького ребенка, лет трех, не больше, сидевшего в обнимку с куклой.

– Это безобразие! – рявкнула девица и вылетела в коридор.

Мы с девочкой остались одни. Испугавшись, что она сейчас начнет плакать, я улыбнулась.

– Меня зовут тетя Виола, а тебя?

– Маша, – четко, совершенно по-взрослому ответила девочка, – Маша Попова.

Короткий халатик задрался выше талии, и я увидела на внутренней стороне бедра девчушки крупное родимое пятно странной формы.

– Сколько же тебе лет?

Она подумала, потом сказала:

– Четыре года.

– И куда же ты едешь?

– В Москву, к бабушке.

– Ты в Праге живешь? – продолжала я расспросы, но тут в купе ворвалась девица вместе с двумя проводниками, мужчиной и бабой. Началось разбирательство.

м зучив билеты, проводник спросил:

– Виола Ленинидовна Тараканова кто?

Я помахала рукой.

– Следовательно, вы Елизавета Семеновна Марченко с дочерью Марией Поповой?

– Ну и дальше что? – разъярилась девица. – Я купила все купе и не хочу, чтобы нам мешали.

Проводник покачал головой:

– Нет, у вас одно место, второе детское, на ту же полку.

– Не может быть! Я же всю дорогу ехала без соседей!

Мужчина в фуражке развел руками:

– Случается такое, а в Вязьме продали на полку билетик. Гражданочка Тараканова, располагайтесь.

– Я этого так не оставлю, – прошипела девица, – Машка, слезай!

– Не надо, – я попыталась наладить контакт с фурией, – я не собираюсь ложиться спать, девочка совершенно мне не мешает, пусть себе сидит.

Но Елизавета молча перетасила несопротивляющегося ребенка на свое место.

– Спать пора, – коротко приказала она.

– Не хочу, – неожиданно закапризничала Маша, – не хочу без сказки.

Черные, бездонные глаза ребенка наполнились слезами, выходящие темные волосы рассыпались по плечам. Смуглая девочка походила на цыганочку и была очень хорошенькой.

– Ложись, – не дрогнула мать.

– Дядю Рому позови, он мне сказку расскажет.

– Потом. Вот приедем к бабушке, тогда дядя Рома и почитает тебе книжку.

– Сейчас!!! Хочу сейчас!

– Дядя Рома спит в соседнем купе, завтра его увидишь, – попыталась унять истерику Елизавета.

– Правда? – всхлипывала Маша. – Дядя Рома тоже едет? А моя бабушка хорошая?

– Конечно!

– Почему дядя Рома не с нами?

– Ему билета не хватило, видишь, там тетя сидит!

– У-у-у, противная! – заныла Маша.

Елизавета порылась в сумочке, достала голубенькую таблеточку, разломила ее и дала дочери:

– На!

Девочка безропотно съела лекарство и, мгновенно успокоившись, легла.

Я тоже вытянулась на полке и повернулась лицом к стене. Неожиданно меня сморил сон. Вагон мерно покачивался, в купе работал кондиционер, время было позднее.

Чья-то легкая рука тронула меня за плечо. Я подскочила и ударилась головой о сетку, в которой лежало полотенце.

– Испугала вас? – улыбнулась проводница. – Поднимайтесь потихонечку, скоро Москва. Разбудите свою соседку.

– Может, сами ее толкнете? – зевнула я. – Мне, честно говоря, не очень хочется с ней связываться.

Проводница тяжело вздохнула, повернулась и сурово сказала:

– Гражданочка, поднимайтесь, поезд приближается к Москве.

Противная Елизавета, очевидно, крепко спала и поэтому не слышала призыва проводницы. Голову Елизавета прикрыла одеялом, девочки на полке не было. Очевидно, когда я заснула, мать отвела ребенка к некоему Роману, который ехал в соседнем купе, небось хотела спокойно выспаться. Вон как крепко дрыхнет! Впрочем, часы показывали шесть утра, большинство людей в это время привыкли мирно сопеть в подушку.

– Эй, – повысила голос хозяйка вагона, – просыпайтесь!

Но молодая женщина не реагировала.

– Вы ее потрясите, – мстительно предложила я.

– Такая скандальная, – задумчиво протянула проводница, – вон бригадира поезда потребовала. А с какой стати? Чего хотела? Билет у вас есть, в чем проблема? Эй, гражданочка! Поднимайся!

Я встала, протиснулась мимо проводницы, вышла в коридор, сбегала в туалет, умылась, попыталась пригладить торчащие дыбом волосы и побрела назад.

Я редко выезжаю из Москвы, а в таком вагоне вообще очутилась впервые. Он был явно не российского производства. Коридоры тут оказались уже, чем в наших поездах, купе меньше, зато туалет совершенно замечательный, вакуумный, как в самолете, и хирургически чистый. Мое место находилось посередине вагона, и проводница до того, как подняла меня, должна была разбудить уже половину пассажиров, но за закрытыми дверьми стояла могильная тишина, и в коридоре никого не было с полотенцем на плече. Вагон мирно спал, люди оттягивали минуту пробуждения. Я спокойно шла мимо окон, и тут вдруг раздался надрывистый крик:

– Ой, мамочка, господи, спасите!..

Я ринулась было вперед, но тут из моего купе вылетела растрепанная проводница и, воя, словно сирена, понеслась в противоположную от меня сторону.

Я тяжело вздохнула и остановилась перед приоткрытой дверью. Наверное, скандальная Елизавета Семеновна ударила проводницу или сказала ей редкостную гадость.

До прибытия поезда в Москву оставалось примерно двадцать пять минут. Надо бы выпить чаю. В конце концов, я заплатила бешеные деньги за проезд и имею полное право на сервис. А чаю очень хочется, крепкого с лимоном.

Я заглянула в купе. Елизавета мирно лежала, повернув-

шись лицом к стенке, похоже, она и не собиралась вставать. Я вошла. Ну куда подевалась проводница? Не успела я об этом подумать, как на пороге возникла группа людей, одетых в форменную одежду: двое мужчин и женщина. Увидев проводницу, я обрадовалась и спросила:

– Можно стакан чая? С лимоном?

Она уставилась на меня и заморгала, а один из мужиков вдруг поинтересовался:

– Вы соседка?

– Чья?

– Вот этой.

– В каком смысле?

Дядька потоптался на месте.

– Вместе ехали?

– Нет, я в Вязьме села, она уже тут была и оказалась очень недовольна моим появлением. Простите, но, кажется, я имею право на чай?

– Люся, – сердито приказал дядька, – отведи эту в служеб-ку и напои.

Тут я по-настоящему возмутилась:

– Еще чего! С какой стати мне пить чай в вашем отсеке? Я купила билет на законных основаниях...

– Девушка, – прервал меня мрачно молчавший до сих пор парень, – вам дадут замечательный чай, а может, хотите кофе? Не тот, что пассажирам предлагают, а наш, Люся сделает, да, Люсенька?

Баба оторопело кивнула и попыталась ответить, но из ее рта вырвался звук, напоминающий кваканье молодой лягушки, подзывающей самца.

– У Люси и сливочки есть к кофейку, вкусные очень, жирные, и булочки с маком. Вы идите в служебку, – продолжал соблазнять меня парень.

А что? Выпить кофе совсем неплохо, тем более после почти бессонной ночи. Я решила было пройти вперед, но тут увидела, что на лице более старшего мужчины мелькнуло странное выражение, смесь облегчения с испугом, и моментально остановилась. Минуточку, с какой это стати сюда заявились трое проводников, один из которых бригадир поезда? Я узнала его, он несколько часов назад пытался усовестить скандальную Елизавету. И почему меня столь упорно приглашают на территорию, которая не предназначена для пассажиров? Отчего вдруг решили угостить «своим» кофе, а не растворимой бурдой? Рассчитывают на чаевые? Но я не похожа на «новую русскую».

Внезапно я почувствовала страх. А вдруг это бандиты? Переоделись в форму и теперь заманивают меня в укромное место...

– Никуда не пойду, – сурово заявила я, ринулась в купе и села на свою полку, – хоть убейте. Вернее, убивать меня нельзя. Вас тут же поймают! Имейте в виду, мой муж, Олег Куприн, является майором милиции. Он сейчас стоит на перроне, с цветами, ждет жену, я ему звонила и сообще-

ла номер вагона и место. Представляете, что он предпримет, обнаружив мое отсутствие?

Сами понимаете, что я наврала с три короба. Олег никогда не станет маячить на перроне с букетом, ему и в голову не придет купить розы. Даже не знаю, что должно произойти, чтобы он кинулся за цветами. Естественно, никаких телеграмм я не отправляла...

– Ваш муж служит в милиции? – заинтересовался вдруг бригадир.

– Да, он занимается особо важными преступлениями, убийствами например.

Неожиданно проводница опять завопила, как трехлетний ребенок, у которого отняли конфету, а потом побежала по коридору.

– Ну раз у вас супруг милиционер, – вздохнул парень, – тогда... в общем... ваша соседка умерла. Пройдите в служебное купе. Вам придется задержаться после прибытия поезда, так как вы являетесь свидетелем.

– Ч-чего? – прозаикалась я.

– Всего, – ответил юноша.

– Но она просто спала! Как – умерла? Вы шутите? Ну-ка, потрясите ее за плечо!

– Пройдите к проводнику, – устало сказал бригадир.

Боже, какой ужас! Умерла?! О нет. Бедная женщина, такая молодая, дочка совсем крошка! А муж? Он знает? Вроде он едет в соседнем купе. Как его зовут... Роман!

– Пойдемте, – потянул меня бригадир.

Я послушно двинулась за ним.

– Зонтик забыли, – заботливо напомнил молодой человек.

– Это не мой, – прошептала я.

– А кофточка голубенькая ваша?

– Да, – обалдело выдавила я.

– А белая сумочка и книга «Смерть в водовороте»?

– Да.

– Браслетик серебряный, часики?

– Да.

– Сейчас все в сумочку засуну, – засуетился молодой проводник, – и принесу, вы пока с Ильей Сергеевичем, с нашим бригадиром, ступайте.

Плохо понимая, что к чему, я добрела до служебного купе, где мне налили стакан замечательного, не растворимого кофе, наплескали туда сливок и дали булочку с маком.

– Вы ешьте, – улыбнулся бригадир.

– Отчего она умерла? – прошептала я, глядя на булку.

– Ну... кто ж так скажет, – вздохнул Илья Сергеевич, – может, сердце больное... пейте кофеек, он вкусный.

Тут поезд дернулся и остановился. В купе заглянул молодой проводник и поставил на полку мою сумку.

– Не волнуйтесь, – сказал он, – там все внутри, и кофточка, и книга.

– Спасибо.

– Милиция уже тут, долго не задержитесь, – подхватил

Илья Сергеевич, – хотите, пойду вашего мужа позову, он с коллегами живо разберется.

Я быстро засунула в рот булку и сделала вид, что поглощена едой, но бригадир все понял. Усмехнувшись, он ушел.

Милиция не заставила себя ждать. Слегка заспанный сержант повел меня куда-то в глубь вокзала, путь наш лежал по длинным, изгибающимся коридорам, и на пятом повороте я перестала запоминать дорогу.

Затем пришлось сидеть у обшарпанной двери, тихо закипая от злости. Когда я дошла почти до изнеможения, ерзая на жестком деревянном сиденье, появился кабанообразный капитан, лысый, потный, в мятой рубашке и таких же брюках.

– Входите, – мрачно предложил он, впуская меня в кабинет, больше похожий на клетку для хомячка, чем на служебное помещение.

Хотя это я зря. Ни один уважающий себя хомяк не станет проживать в пеналообразном помещении со стенами, выкрашенными темно-синей краской, и окнами, покрытыми слоем грязи толщиной более сантиметра, который имеет обыкновение отваливаться без помощи уборщицы.

ГЛАВА 3

Узнав мои паспортные данные, капитан сурово сдвинул густые брови и спросил:

– Чегой-то вы, Виола Леонидовна, всех своим мужем майором пугаете?

– Я?

– Вы.

– И не думала даже. Просто сказала проводникам, что Олег служит в милиции.

– Зачем?

– Ну... просто так.

– Нехорошо, Виола Леонидовна. Вам супруг тут не поможет. У него свое ведомство, у нас наше. И потом, закон для всех один. Думаете, жене майора все можно? Нет уж! Правов у ей столько же, сколько и у моей жены!

Я снова разозлилась:

– Во-первых, вы неправильно произносите мое отчество. Не Леонидовна, а Ленинидовна. Во-вторых, давайте сразу уточним: кто я – свидетель или задержанная? Во втором случае я имею право на один телефонный звонок и в отсутствие адвоката не скажу более ни слова.

– Вот те мишкин мед! – неожиданно крикнул капитан. – Умные все стали, прямо страсть! Адвокат, муж-майор... Да никто вас не виноватит. На вопросы ответьте – и свободны!

Чего тянете?

- Так вы пока ничего и не спрашивали.
- Ехали вместе с Елизаветой Семеновной Марченко?
- Только от Вязьмы, я там села.
- И чего она рассказывала?
- Да ничего.
- Молчала?
- Нет, ругалась с проводниками. Хотела ехать одна с дочерью в купе, а тут я появилась.
- Понятненько. Значит, вы совсем незнакомы?
- Нет.
- А вот врать не надо! – вдруг громко воскликнул капитан.
- Вы о чем?
- О том, что вы отлично знали гражданку Марченко!
- Вовсе нет. Мы никогда не встречались.
- Вообще?
- Конечно.
- Не виделись ни разу?
- Да, представьте себе! В Москве проживает несколько миллионов человек, со всеми познакомиться просто невозможно!

- Не умничайте, – нахмурился капитан.
- С чего вы взяли, будто мы с несчастной женщиной были знакомы?

Капитан шумно вздохнул, потом спросил:

- Вы проживали в свое время на Горской улице?

– Да, еще до замужества. Жила с младенчества, потом переехала.

– Интересно, – сказал капитан, – чем же ваш майор занимается, если новую квартиру приобрел? Вот я взятку не беру, потому и сижу в общаге уж который год, и не вылезти мне из ей, а у некоторых майоров целные апартаменты. Небось три комнаты...

– Больше, – злобно ответила я.

Между прочим, это чистая правда. Мы живем вместе с Тamarой, Семеном, Кристиной и Никиткой. Жилплощадь приобреталась в основном Семеном, который в то время находился на гребне удачи. Его бизнес, пара газет и журнал, достиг расцвета и начал приносить стабильный доход. Мы же с Олегом вложили средства, полученные от продажи наших квартир. До женитьбы и он, и я имели скромные норки. У Олега была однокомнатная, находившаяся на первый взгляд в удобном месте, в двух шагах от метро «Баррикадная». Но окна дома выходили прямо на зоопарк, и спать в этом здании никто не мог. Звери просыпаются рано, около пяти утра, большинство из них начинает требовать завтрак, оглашая округу недовольным ревом. Вы не поверите, если я расскажу, какие звуки способны издавать умильные макаки, очаровательные мишки и интеллигентные пингвины. Кровь стыла в жилах, поэтому Олегу приходилось по большей части держать окна плотно закрытыми.

У меня же была «хрущоба», отчего-то именовавшаяся

двухкомнатной. Лично я совершенно не понимаю, с какой стати крохотную нишу площадью в семь метров следует считать жилой. Но тем не менее по бумагам получалось, что Виола Тараканова имеет аж две комнаты. Жили мы вместе с Томочкой вполне спокойно, пока в нашей судьбе не произошли кардинальные изменения. Но я об этом уже рассказывала и повторяться не хочу.¹ Скажу только, что в результате всех пертурбаций нам достались две квартиры на одной лестничной клетке. И у нас теперь куча жилых помещений. Но об этом капитану знать не надо, пусть умрет от зависти.

– Офигеть можно, – покраснел кабан.

Потом спохватился и рявкнул:

– Жили на Горской? Не вздумайте скрывать!

– Зачем мне утаивать сей факт? – изумилась я. – Да и штамп старой прописки в паспорте стоит, вы же его видите!

– Глупо заператься, – согласился капитан, – и эта на Горской живет.

– Кто?

– Елизавета Семеновна Марченко. Во, глядите.

м показал мне бордовую книжечку, раскрытую на нужной страничке. Я машинально кинула взгляд на строчки, сделанные четким, почти каллиграфическим почерком: «Горская улица, дом 4, кв. 83».

– Ну и что? – удивилась я.

¹ История жизни Виолы Таракановой описана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

– Как это? Вы жили в двух шагах друг от друга и не встречались?

– Ну, если вы обратили внимание, мой адрес – дом семьдесят девять. Горская улица длинная. Действительно, странное совпадение. Только Елизавета проживала почти на проспекте имени Остапова, а я в противоположной стороне, возле рынка.

– Все равно небось встречались.

Я посмотрела в толстое, глупое лицо капитана, «украшенное» мелкими мышинными глазками. Ну не идиот ли он?

– По вашей логике получается, что все жители Ленинского проспекта, который тянется от Октябрьской площади до Московской кольцевой дороги, должны быть знакомы друг с другом? Или те, кто прописан по Тверской?

– Умные все стали, – закричал кабан, – значит, ничего сообщить по сути задаваемых вопросов не можете?

– Не могу.

– Ладно, ступайте, понадобится – вызовем.

– А что случилось с Марченко? – поинтересовалась я. – Сердце?

Кабан пошуршал бумагами.

– Выстрелили в нее.

– Мамочка! – ужаснулась я.

– Ступайте, – огрызнулся мент, – нечего любопытничать.

Не сказав этому свину в милицейской форме «до свидания», я выскочила в коридор и полетела домой. Представ-

ляю, как сейчас будет ругаться Олег. Часы показывали девять часов утра.

Открыв дверь, я на цыпочках прокралась в спальню и увидела нашу кровать. Моя сторона аккуратно накрыта покрывалом, слева, где обычно спит Олег, нет никого.

Я с удивлением осмотрела комнату. Однако странно. Обычно Куприн не утруждает себя уборкой постели. Сегодня же ровно натянул плед и положил на место подушку.

В полном недоумении я пошла в ванную и нашла там на веревке рубашку Куприна, выстиранную и уже сухую.

Было от чего прийти в изумление. Как правило, Олег закидывает грязное белье в бачок, а я, когда гора начинает подпирать потолок, засовываю ее в стиральную машинку. Гладит у нас, правда, Томочка. Меня этот процесс способен довести до депрессии. А Тамара включает телевизор и спокойно принимается за дело. Зато я привожу продукты и оттаскиваю в прачечную тяжелые тюки с пододеяльниками, простынями и полотенцами. Так что все по-честному.

Потрогав сорочку мужа, я вышла на кухню, увидела Тому и спросила:

– Кофе есть?

– Давай налью, – засуетилась она. – Как съездила?

– Ужасно, – честно призналась я и начала рассказывать о своих приключениях.

Тамарочка, забыв про недомытую посуду, стала охать и ахать. Я, размахивая руками, плела нить повествования. И

тут раздался телефонный звонок.

– Виола? – донеслось из трубки.

– Слушаю.

– Мне нужна Тараканова.

– Это я.

На том конце провода раздалось легкое покашливание.

– Вы любите своего мужа?

– Что за идиотизм, – прошипела я и швырнула трубку.

– Случилось что-то? – озабоченно поинтересовалась То-муська.

– Какая-то кретинка звонила, – рывкнула я, – телефонная хулиганка! Встречаются такие негодяйки, покупают телефонную базу и ну людям голову морочить.

Снова раздался звонок.

– Давай ответчу, – ринулась к столу Тамара.

Но я уже успела схватить трубку.

– Да!

– Не отсоединяйтесь, пожалуйста, – сказал тот же голос. – Я хочу вам добра.

– В каком смысле? – напряглась я.

– Ваш муж Олег Куприн завел себе любовницу, профурсетку Лесю Комарову, – зачастила «доброжелательница». – Имейте в виду, Леся не замужем и явно наметила отбить у вас супруга.

Я не успела даже слова сказать, как из трубки понеслись короткие, частые гудки. Наверное, на моем лице отразилось

некоторое изумление, потому что Тома насторожилась и воскликнула:

– В чем дело?

– Бред.

– А поточнее?

– Некая дама сообщила, что Олег якобы завел любовницу. Вот ведь ерунда! Куприн – и измена! Смешнее и не придумаешь. Да у него все время уходит на работу!

Не в силах удержаться, я рассмеялась. Честно говоря, не ожидала, что Томочка воспримет всерьез заявление какой-то балбески. Я сама в детстве баловалась такими звонками, просто мои шутки были не такими злыми. Оставшись одна дома, набирала первые попавшиеся цифры и, услышав «алло», спрашивала:

– Добрый день, беспокоят из домоуправления, вам унитаз нужен?

В большинстве случаев люди, не ожидавшие подвоха, мирно отвечали:

– Нет.

– Замечательно, – продолжала я, – тогда мы сейчас придем и заберем его.

Кстати, Томуська тоже принимала участие в этих забавах. Мы страшно веселились, слушая, как мужчины, поняв, что их одурачили, начинают материться, а женщины грозятся выпороть проказниц ремнем. Во времена нашего с Томочкой детства никто и не слыхивал об определителях номера, по-

этому шkodничать можно было практически безнаказанно. Но мы никогда не творили откровенные гадости, не вызывали к кому-нибудь на дом милицию, «Скорую помощь» и пожарных, просто разыгрывали людей. Очень хорошо помню, как мы напугали неизвестную тетку, прикинувшись ее провинциальными родственницами.

– Тетенька, – верещала я в трубку, – неужто нас не помните? Галька и Танька. Из деревни мы, к вам приехали пожить, месяца на четыре.

– Да ну? – дрожащим голосом спросила несчастная.

– Ага, – подтвердила я, – гостинцы у нас, кабанчик живой.

– Живой?! – ужаснулась бедняга.

– Именно, – продолжала я, показывая кулак хихикающей Томочке, – живее не бывает.

– Господи, – пролепетала бедная, очевидно, интеллигентная незнакомка, – что ж мне с ним делать?

– Ветчину и тушонку, – подсказала я.

– Боже?! – воскликнула несчастная. – С ума сойти.

– Не волнуйтесь, – «успокоила» я жертву розыгрыша, – с нами дядя Ваня приехал, он кабанчика прирежет в ванной, колбасу сделает, будете ее потом до зимы есть. Специально подсвинка живьем приволокли, чтоб мясо по дороге не стухло. Вы за нами к десяти вечера на вокзал приезжайте, у самого входа встанем, мигом узнаете: дядя Ваня два метра ростом, мы с Танькой тоже здоровые, а кабан в мешке визжит.

– Почему к десяти? – только и сумела вымолвить вконец

замороженная тетка. – Сейчас же два часа дня!

– Так дядя Ваня с Танькой в баню потопали, – выдала я, – вши у них, хотят от паразитов избавиться, а то чесаться надоело.

До сих пор не знаю, поехала ли ни в чем не виноватая женщина на Курский вокзал и как долго она там разыскивала здоровенного мужика с двумя подростками и верещащей свиньей. Надеюсь, что у нее все же хватило ума не ездить. Лично я бы ни за какие коврижки не пустила к себе таких родственничков.

Наверное, незнакомка сообразила, что ее разыграли наглые школьницы. Подчас нам с Томочкой взбрели в голову редкостные глупости, но позвонить по телефону и, услышав женский голос, сообщить о супруге-изменнике? Нет, на такое мы не были способны, вот с кабанчиком вышло классно!

Я улыбнулась воспоминаниям. Тома с тревогой спросила: – Что с тобой?

– Помнишь, как мы в детстве обманули довольно приятную особу: дядя Ваня и Танька со вшами, кабанчик в мешке...

Томочка расслабилась.

– Да уж, та женщина и впрямь оказалась очень милой. Другая бы стала орать и грозить милицией. Ты сама, услышь такое, что бы сделала?

– Ну... сложно сказать.

Она прищурилась.

– А то я тебя не знаю! Небось начала бы кричать и ругаться.

– Вполне вероятно, – усмехнулась я, – а может, вспомнила бы, что сама такой была, и подыграла бы детям. Олег давно убежал?

Вопрос явно риторический. Куприн, как правило, уносит-ся из дома около восьми. Сама не понимаю, отчего решила спросить у Томи про моего майора. Но подруга, воскликнув: «Ой, горит!» – бросилась к тостеру.

Я удивилась, этот прибор имеет обыкновение отключаться автоматически, и сейчас на кухне совсем не пахнет гарью. Но не успела я высказать недоумение вслух, как раздался звонок в дверь.

Я пошла на зов и обнаружила на пороге своего папеньку с большим чемоданом в руке.

– Здравствуй, доча, – радостно воскликнул Ленинид и распростер объятия, – иди сюда, поцелуй папку!

Я тяжело вздохнула. Все ясно, он принял на грудь хорошую дозу спиртного, в нем уже не меньше бутылки. Если Ленинид «скушал» сто пятьдесят граммов, он просто глупо улыбается и мерзко прихихикивает, а когда опрокидывает в себя около двух стаканов, начинает меня целовать. Я же терпеть не могу объятий вообще, а уж пьяных в особенности.

– Тебя Наташка выгнала, – констатировала я, бросая взгляд на чемодан, – за пьянство. Давно пора. Только зря сюда притопал, мы честно предупредили: явишься подшофе,

не пустим. Ступай себе с богом.

Папашка заморгал, потом с укоризной воскликнул:

– Ну доча! Не любишь ты меня совсем! Глянь-ка, что я принес.

С этими словами Ленинид порылся сначала в одном кармане, потом в другом, вытащил карамельку «Чупа-чупс» без обертки и, стряхивая с нее налипшие крошки, забубнил:

– Знаю, любишь сладкое, вот вкусная конфетка, на палочке, лакомись на здоровье.

Похоже, я ошиблась, папашка набрался по самые брови. Стадия дарения «конфетки» предшествует полнейшему остекленению Ленинида. Он, скорей всего, выжрал почти литр водки. Ясное дело, что его нынешняя жена Наташка, дама суровая, борющаяся с пьянством мужа при помощи простых народных средств, кулака и скалки, выгнала свое сокровище вон. Но и я не лыком шита. Прожив все детство с алкоголичкой Раисой, терпеть не могу выпивох, и Ленинид великолепно об этом знает, хоть мы и встретились с ним, когда я, давно став взрослой, похоронила мачеху.² Поэтому сегодня не пушу к нам папашку. Пусть едет куда хочет и сидит там, пока не протрезвеет.

² История жизни Ленинида рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

ГЛАВА 4

– Ну доча, – ныл Ленинид, опасливо косясь на меня, – не злись на папку. Один я у тебя, другого-то не будет. И не пил вовсе, так, пригубил чуток от радости. Ей-богу, только пару бутылок пивка тяпнул, водки ни граммульки, ни капельки, лишь «Клинское» светлое, его даже детям дают, от него одна польза и никакого вреда.

– Что же тебя столь обрадовало? – спросила я.

– Так Наташка отдыхать уперлась! – счастливо воскликнул папенька. – Вместе с сыном и жабой. Путевку взяли, в санаторию отъехали, на трехразовое питание, нервы лечить.

– С кем? – удивилась я.

Воображение мигом нарисовало Наташку, весьма грузную особу, бодро шагающую к самолету. В руках наша бывшая соседка и моя теперешняя «маменька» сжимает банку, в которой сидит здоровенная лягушка с выпученными глазами. Но откуда она у Наташки? Жена Ленинида самозабвенно разводит цветы, а к животным совершенно равнодушна.

– С кем она уехала? – повторила я.

– С сыном и с жабой, – повторил Ленинид, – с моей тещей, чтоб ей минеральной водой захлебнуться там, любимой маме.

Тут только до меня дошло.

– Значит, Наташка с сыном и с матерью укатила на ку-

порт?

– Точняк, – подтвердил папенька, – желудок полоскать.

– А тебя к нам отправили?

– Опять верно.

– С какой стати?

Ленинид горестно пожал плечами:

– Сам не пойму, дали чемодан и велели: «Ступай к своей доченьке драгоценной. Мы тебя тут одного не оставим, нажрешься, как свинья, грязь разведешь, баб притащишь». Сумку сложили и выпихнули.

Я ринулась к телефону. Ну, Наташка, погоди! Сейчас выскажу ей все, что про нее думаю.

– Эй, доча, – воскликнул Ленинид, наблюдая, как я яростно тычу в кнопки, – не старайся! Уперлись они, дома нет никого.

– Тогда ступай назад.

– Не могу.

– Почему?

– Да они дверь заперли, а ключи с собой забрали.

– У тебя что, своих нет?

– Не-а, они и мои утащили в санаторию.

– Послушай, ты же бывший вор, неужели не сумеешь замок вскрыть! – не утерпела я и тут же пожалела о сказанном.

Ленинид, говоря языком милицейского протокола, твердо встав на путь исправления, решительно порвал с преступным прошлым. И вообще, некрасиво напоминать папеньке

об ошибках молодости. Сейчас он честный гражданин, отличный краснодеревщик, верный муж, а семь или восемь ходок на зону – я постоянно путаю, сколько раз он сидел, – остались в другой жизни. На данном отрезке времени Ленид законопослушный гражданин, ну выпивает иногда, так кто из нас без греха?

– Эх, доча, – пригорюнился папенька, – вор-то вор, только по хатам не шебуршил, лопатники тырил у лохов,³ с замком управиться, правда, сумею, но прикинь, что со мной Наташка с жабой сделают, когда вернутся? Завизжат, словно потерпевшие, завоют... Уж пусти, Христа ради, впрочем, коли не захочешь, я на вокзал пойду. Мне не привыкать бомжевать!

Я посторонилась.

– Входи.

– Ай, спасибо, ну дочура, ну хорошая, – зачастил Ленид, снимая ботинки, – я вам помогу. Вон, дверца у шкафа болтается. Семен-то с Олегом безрукие, гвоздя не вобьют.

– Иди на кухню кофе пить, мастер, – усмехнулась я.

Злость куда-то испарилась. На Ленидида невозможно сердиться больше десяти минут подряд. Несмотря на возраст, папашка сохранил совершенно детское выражение глаз и обезоруживающую наивность.

Вернувшись в спальню, я с тоской посмотрела на стопку чистой бумаги. Скоро надо сдавать в издательство новую книгу, у меня же в голове зияющая пустота, никаких мыс-

³ «...по квартирам не лазил, воровал кошельки у растяп...»

лей. О чем писать? Какую тему придумать? Наркоторговля? Мафия? Милиционеры-оборотни? Все старо, как мир. Стоит зайти в любой книжный магазин, и мигом натолкнетесь на кучку детективов, на тот или иной лад перепевающих старые песни.

Взгляд уперся в календарь. Еще пара дней, и мне начнет звонить редактор. Я до паники боюсь милейшую, интеллигентнейшую Олесю Константиновну. Только не подумайте, что она ругает меня. Нет, она просто очень любезно напоминает:

– Виола Ленинидовна, ждем рукопись.

Ни разу она не вышла из себя, не повысила голоса, но отчего-то я, слыша в трубке мелодичное сопрано редактора, мигом покрываюсь холодным потом и начинаю, глупо хихикая, говорить глупости. Скорей всего Олеся Константиновна считает меня полной идиоткой, но бизнес есть бизнес, а детективы Арины Виоловой, это мой псевдоним, по непонятной причине вдруг начали хорошо продаваться, поэтому редактор и терпит авторшу, постоянно опаздывающую сдать новую книгу.

Вот и сейчас следует немедленно приковаться к письменному столу, но никакого желания делать это у меня не возникало.

Оттягивая неприятный момент, я решила навести в спальне порядок. Вот разберу шкаф и сяду за работу. Хорошо, что Олега нет дома. Недавно, увидав, что я перекладываю вещи

в гардеробе, Куприн заметил:

– Сегодня вторник. Между прочим, в воскресенье ты уже приводила в порядок шмотки.

– Они снова скомкались.

Олег ухмыльнулся:

– Да нет. Просто тебе неохота писать, вот и ищешь любой повод, чтобы не браться за книгу.

Я очень разозлилась в тот момент на мужа и довольно резко ответила:

– Вот уж не знала, что живу с психоаналитиком.

Куприн заулыбался еще шире.

– Юпитер, ты сердишься, значит, ты не прав. Римская поговорка. Злись сколько угодно, но я уже знаю: в тот момент, когда нужно взяться за работу, писательница Арина Виолова начинает усиленно заниматься домашним хозяйством.

Вспомнив нехстати этот диалог, я села к столу. Покусав ручку и нарисовав на бумаге строй чертиков, встала и, сама не понимая как, очутилась у шкафа. Руки схватили было свитер, но я тут же обозлилась. Это что же получается? Олег прав? Да никогда!

Отскочив от гардероба, я увидела свою сумочку и вытряхнула ее содержимое на кровать. Так и знала. Тут полно барахла! Сейчас наведу в ридикюле порядок и начну вдохновенно ваять новую книгу. Получается, что Куприн вовсе не прав! Сумочка-то не шкаф! Ну-ка, посмотрим.

Книжка, губная помада, зеркало, расческа, пара мятных

конфеток, кошелек – все нужные вещи. А это что? Мой браслет! Как он сюда попал? Ах, да! Он же лежал в купе на столике, проводник сунул его в сумочку. Вот и кофточка, мягкая, словно ее жевала корова, и... часы. Я машинально вертела их в руках. У меня никогда таких не было.

Обычный кожаный ремешок, украшенный довольно крупными стразами, обычный плоский корпус из желтого металла. Под цифрой 12 виднелась надпись «Chopard». Скорей всего это копеечная электронная подделка. Я не ношу часов, они мне не нужны. Почему-то я хорошо и так знаю, сколько времени. И откуда в сумке взялась сия вещица?

Внезапно в памяти всплыл диалог в купе.

Проводник, складывая вещи, каждый раз задавал мне вопрос. Я, ответив дважды «да», машинально сделала это опять. Просто обалдела, услышав известие о смерти попутчицы, потому и кивнула. Часы принадлежат Елизавете Марченко, только ей они больше ни к чему. Надо выбросить «брегет» в помойку, и дело с концом. Таких «шедевров» навалом на каждом углу.

Взяв двумя пальцами ремешок за самый край, я вышла из спальни и наткнулась на Сеню.

– Ты дома? Надо же, обычно даже в выходной работаешь!

– Ага, – зевнул муж Томуськи, – сейчас убегаю. Решил один разок поспать. Надоело каждый день в шесть вставать.

– Правильно, – одобрила я, – надо иногда себя побаловать!

– Что это ты несешь, словно дохлую мышь? – поинтересовался Семен.

– Да вот, выбросить хочу.

– Дай поглядеть.

– На.

Сеня взял часики, повертел их в руках и присвистнул:

– Шутница! Выбросить! Где взяла?

Почему-то мне не захотелось говорить приятелю правду.

– Нашла.

– Где?

– Э...э... в подъезде.

– Каком?

– Нашем. Иду к лифту, смотрю, лежат. Ну я и прихватила, – самозабвенно начала я врать, – подумала, вдруг дорогие, а теперь вижу, дрянь копеечная.

Сеня уставился на меня.

– Они не дорогие.

– Я уже разобралась.

– Они не дорогие, – повторил Семен, – а очень дорогие, диких бабок стоят. Если и впрямь обнаружила их на лестнице, то немедленно повесь объявление. Интересно, кто у нас такие носит? Хотя, может, посторонняя женщина посеяла.

Я погрозила Сене пальцем:

– Сегодня не первое апреля. Я очень хорошо знаю им цену. У Кристи есть похожие. Помнишь, я покупала ей их за пятьсот рублей.

Сеня покачал головой:

– Нет.

– Вечно ты со мной споришь! Сама платила полтыщи.

– Не о том речь, – протянул Сеня, – у Кристи барахло, сделанное в Китае, ему красная цена две сотни, ты даже переплатила. А эти вот произведены фирмой «Chopard». Корпус золотой, стрелки тоже, цифры выложены настоящими рубинами, на ремешке бриллианты. Думаю, тысяч пятьдесят баксов игрушечка стоит.

– Издеваешься, да?

– И не думал. Видишь, надпись – «Chopard».

– Сколько, говоришь, они стоят?

– Пятьдесят тысяч долларов, – повторил Сеня.

– Не ври, таких цен на часы не бывает!

– И где ты их взяла? – вновь поинтересовался он.

– Нашла.

– В подъезде?

– Именно.

– Теперь ты не ври!

– Хватит мне голову дурить, – рассердилась я.

Сеня пожал плечами:

– Хозяин – барин. Хочешь вышвырнуть на помойку кучу денег – семь футов тебе под килем. Но послушай совет умного человека.

– Твой, что ли? – ехидно прищурилась я.

– Да, – совершенно серьезно заявил приятель, – отправ-

ляйся в часовой магазин и покажи там безделицу. Скажут, что цена ей полкопейки, тогда выбрасывай.

С этими словами он исчез в ванной, а я осталась в коридоре, разглядывая часы. Вот это стоит пятьдесят тысяч долларов? С ума сойти! Да нет, Семен просто издевается. Он у нас шутник, способный с абсолютно серьезным лицом разыграть кого угодно.

Очень хорошо помню, как пару месяцев назад Сеня при-
волок домой пакет с полуфабрикатами. Это оказались невероят-
но вкусные, восхитительные котлетки. Слопав штук
пять, я поинтересовалась:

– Из чего же они сделаны? Не пойму никак, вроде курица,
но по вкусу не совсем...

Сеня хмыкнул:

– Ни в жизни не угадаешь. Это мексиканский носорог.

Тарелка чуть не выпала у меня из рук.

– Кто?

– Мексиканский носорог, – повторил Семен, – в нашем
супермаркете дают, у метро. Все хватают, потому что очень
вкусно и недорого, всего двадцать рублей килограмм.

– Они просроченные? – с подозрением спросила Кристи-
на, только что схоякавшая три штуки.

– Почему? – удивился Сеня.

– Больно дешево, – заявила девочка, – оттого и подозри-
тельно. Если вкусно и стоит копейки, жди подвоха.

Сеня спокойно взял очередную котлетку и начал растол-

ковывать дочери принцип ценообразования:

– Чем больше особь, тем она дешевле. Вот рябчик, к примеру, совсем крохотный, поэтому и стоит о-го-го, а корова большая, посему говядина вполне доступна. Мексиканский же носорог – животное пугающего размера. Теперь поняла?

– Ага, – кивнула Кристя.

– Надо купить про запас, – оживилась Томуська, – запихнем в морозильник. На самом деле отличные котлеты и готовятся мгновенно. Вилка, сходи в магазин.

Поскольку на меня возложена обязанность доставки на дом продуктов, я села в машину, доехала до супермаркета, схватила самую большую тележку и, вознамерившись забить ее до упора полуфабрикатами из мексиканского носорога, покатила по торговому залу.

Не найдя в холодильниках ничего похожего, я подошла к продавщице и поинтересовалась:

– Где у вас гамбургеры из мексиканского носорога?

Девушка выпучила глаза:

– Кого?

– Мексиканского носорога.

– Господи! Чего только не продают! – потеряв профессиональную вежливость, воскликнула девушка. – Офигеть прямо! Спросите в информбюро.

Я подрулила к стойке и воскликнула:

– Есть у вас котлетки из мексиканского носорога?

Проходившие мимо покупатели остановились и начали с

интересом прислушиваться.

Юноша, сидевший у компьютера, ответил:

– Их нет.

– Вот жалость! Уже раскупили. А когда еще привезете?

– Никогда.

– Почему?

– Их и не было.

– Как это? У вас покупали!

Минут пять мы с парнем спорили, потом он в сердцах воскликнул:

– Во народ пошел! Вчера одна дамочка чуть от злости не задохнулась, требовала яйца розового дрозда, теперь вы свалились на голову! Ну подумайте сами, откуда в Мексике носороги?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.